

В диссертационный совет
24.2.320.07 по юридическим наукам,
созданный на базе федерального
государственного бюджетного учреждения
высшего образования «Кубанский
государственный университет»

350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Пикиной Татьяны Владимировны «Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (Краснодар, 2025 г. – 244 с.)

Актуальность темы диссертации. Внесенный 20 октября 2025 г. законопроект¹, подписанный 419 депутатами из всех фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации во главе с Председателем Вячеславом Володиным, ужесточает наказание за диверсионно-террористическую деятельность. Его принятие усилит гарантии безопасности граждан и повысит неотвратимость наказания для тех, кто пытается подрвать основы конституционного строя и безопасность нашего государства.

Ключевые новеллы заключаются в том, чтобы жестче наказывать за вовлечение детей в терроризм и диверсии, вплоть до пожизненного лишения свободы. Для диверсионных преступлений устанавливается ответственность по аналогии с уже действующей за терроризм, в том числе понижается возрастная планка ответственности до 14 лет. Эти предложения, корректирующие уголовную политику противодействия исследуемому соискателем виду преступлений были, как известно, поддержаны Верховным Судом и Правительством Российской Федерации.

¹ См. проект № 1045434-8 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», принят во втором чтении 11.11.2025.

Это важно, поскольку сегодня диверсии и теракты несут равную угрозу. Но ответственность за терроризм и диверсии не полностью синхронизирована.

Спецслужбы иностранных государств, в особенности Украины и стран НАТО, активизировали подрывную деятельность против России, вовлекая наших граждан, в том числе несовершеннолетних, в диверсионно-террористическую деятельность.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, если в 2024 году в нашей стране зарегистрировано 204 преступления диверсионной направленности, то только в первом полугодии 2025 года зарегистрировали уже 174 таких преступления. И тревожная тенденция сохраняется, даже при большом количестве предотвращенных нашими органами безопасности преступлений.

К идеологической обработке россиян и склонению к совершению диверсий и терактов противником привлечены не только специалисты разведслужб, но и психологи, учитывающие возрастные, национальные, социальные особенности человека, а также аналитики западных «фабрик мысли». Например, таких, как британское «Общество Генри Джексона» при Кембриджском университете, подготовившее доклад с призывом к ЕС поддерживать атаки на логистику и военпром России, а также нежелательная в России организация «Гудзоновский институт», специалисты которой предложили список из 8 целей на территории нашей страны для уничтожения (мосты, инфраструктура, заводы, маршруты Китай-Россия, базы Тихоокеанского флота).

Цель совершенствования уголовно-правовой политики на этом направлении исходит из того, что приоритетной предупредительной мерой становится защита детей и подростков от вербовки в деструктивные сети, если спецслужбы противника всё чаще стараются вовлечь в совершение диверсий школьников, убеждая, что им за это, в силу малого возраста, ничего не будет. Поэтому снижение возраста ответственности за диверсии имеет важное

профилактическое значение. Об этом Татьяна Владимировна Пикина неоднократно высказывается в рукописи диссертации (с. 109, 110, 111, 118).

С учетом сказанного тему предпринятого Т.В. Пикиной исследования следует признать безусловно актуальной. Это обусловлено тем, что уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя и безопасности государства, под которой мы понимаем деятельность уполномоченных органов публичной власти, выражающуюся в использовании средств уголовно-правового воздействия для защиты конституционного строя, суверенитета, независимости, обороноспособности, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, постоянно нуждается в совершенствовании.

Творческий, самостоятельный характер диссертационного исследования, обращение автора к значительному числу литературных источников, анализ ведущихся в науке дискуссий с вынесением на обсуждение сложных с точки зрения теории проблем, и, главное, выработка на этой основе собственных подходов к решению задач правоприменения и законотворчества позволяют говорить о *научной новизне* рецензируемого труда.

Работа является одной из первых диссертаций, посвященных исследованию диверсии как наиболее опасного посягательства против основ конституционного строя и безопасности государства, а также иных преступлений диверсионной направленности, осуществленной соискателем в свете реализации основных направлений (методов) уголовно-правовой политики — криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности после внесенных федеральными законами от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ и от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ изменений в УК РФ, существенным образом скорректировавших механизм уголовно-правового регулирования в исследуемой области.

Автору удалось обосновать, что в числе основных методов уголовной политики, как реакции государства на рост и обострение угроз для социальной стабильности и сохранения власти, государственного суверенитета и

оборонеспособности страны следует рассматривать усиление уголовной репрессии, посредством криминализации новых общественно опасных деяний, пенализации и дифференциации уголовной ответственности.

Умелое использование автором методологического аппарата, оригинальность основанных на результатах научных поисков решений дает основание заключить, что в работе освещена *важная научная проблема*, имеющая к тому же несомненную *практическую значимость*.

Подход к определению структуры работы представляется методологически верным, позволяющим логично, последовательно изложить выявленные диссертантом проблемы и их решения. В первой главе раскрыты теоретические основы и прикладные аспекты уголовной ответственности за диверсионную деятельность в отечественном уголовном законодательстве в их генезисе и представлен сравнительно-правовой анализ ответственности за деяния, связанные с осуществлением диверсионной деятельности, по современному зарубежному уголовному законодательству (с. 19–61).

Вторая глава посвящена рассмотрению специфики уголовно-правовой политики противодействия диверсионной деятельности в контексте анализа системы преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, уголовно-правового содержания их признаков, дифференциации ответственности за преступления исследуемого вида, их пенализации и проблем разграничения преступлений, связанных с осуществлением диверсионной деятельности, и посягательств экстремистской и террористической направленности (с. 62–150).

В третьей главе «Специфика криминологической политики противодействия диверсионной деятельности», состоящей из трех параграфов, представлен авторский подход к криминологической характеристике личности диверсанта, исследованы причины совершения диверсионных преступлений, предложены средства их предупреждения (с. 151–202).

В результате соискателем сформулирован вывод о том, что диверсионная преступность представляет собой негативное социальное и

системно-структурное явление, характеризующееся наличием устойчивых и закономерных внутренних связей в рамках структуры диверсионных преступлений, внешних связей с другими видами преступлений, а также с характеристиками личности преступника и социальной средой (Положение 8, с. 15, 167, 210). В диссертации соискателем выделяются два характерных типа личности диверсанта – идеологический, отличающийся особой опасностью и активным поведением при формировании криминогенной ситуации, и корыстный, которому присущи ситуативные и случайные модели преступного поведения (Положение 9, с.15, 183–185, 210). Соискателем обосновано влияние различных факторов на процесс детерминации диверсионной преступности в России (с. 197–202).

В работе сделан вывод о перспективности информационно-технологического направления предупреждения диверсий, связанного с увеличением автоматизации мониторинга интернет-пространства, в том числе с использованием искусственного интеллекта, для выявления и пресечения действий, направленных на вербовку диверсантов и распространение вредоносного контента, угрожающего основам конституционного строя и безопасности Российской Федерации (с. 203, 211).

Исследование хорошо научно оснащено и построено на достаточно прочном эмпирическом фундаменте. Соискателем изучена информация о 23 уголовных делах об исследуемых преступлениях диверсионной направленности, полученная из открытых источников; статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 281, 281¹, 281², 281³ УК РФ, за 2018–2024 гг.; опубликованные им отчеты о демографических признаках осужденных по всем составам УК РФ, в том числе за названные деяния, за указанный период; ряд постановлений Пленума Верховного Суда РФ; публикации в СМИ, в том числе сети «Интернет»; результаты анкетирования 150 сотрудников правоприменительных органов (83 следователей и 67 судей), а также опроса 92 студентов (курсантов)

Владимирского юридического института ФСИН России, Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, юридического факультета Владимирского филиала РАНХиГС.

Большинство выводов диссертанта и приведенных в их обоснование доводов заслуживает поддержки, в их числе:

дефиниция акта информационной диверсии, под которой автор предлагает понимать распространение в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений (фото-, видео-, аудио или иной форме), направленных на формирование у других лиц убежденности в истинности преподносимой ложной информации о поражении объектов критической инфраструктуры, объектов массового скопления людей или гибели людей, либо опубликование фото-, видеоизображений поражения военных объектов или объектов критической инфраструктуры в целях порождения паники или пессимистических настроений в отношении состояния государства и его силового блока, а равно в целях получения выгод имущественного или неимущественного характера (с. 72–73);

определение обороноспособности как такого состояния Российской Федерации, при котором обеспечивается возможность вооруженной защиты целостности и неприкосновенности ее территории от нападения, направленного на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда компонентам природной среды, здоровью и жизни людей, а равно на лиц, деятельность которых связана с прогнозированием и оценкой военной опасности и военной угрозы в отношении Российской Федерации, и их близких. Предложение соискателя закрепить это определение в п. 1.1 ст. 1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (с. 79–80, 107–108, 207–208);

вывод автора о том, что совокупность диверсионных преступлений,

несомненно, обнаруживает признаки негативного социального явления. Незначительный объем данных преступлений компенсируется наличием устойчивых и закономерных внешних и внутренних связей, среди которых следует выделить: 1) зависимость динамики диверсионных преступлений от обострения социально-политических и политико-экономических противоречий международного характера; 2) устойчивый характер структуры диверсионной преступности, в которой выделяется значительная группа деяний, совершаемых из корыстных побуждений; 3) наличие корреляционных связей с другими преступлениями, направленными против основ конституционного строя и безопасности государства (государственной изменой, шпионажем, преступлениями экстремистской направленности), а также с преступлениями террористического характера и преступлениями, связанными с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств. Эти связи носят устойчивый характер и выражены в общих тенденциях динамики, не совпадающих с трендами преступности на общем уровне; 4) наличие устойчивых связей с подструктурными элементами: объективными факторами преступности (например, уровнем доверия населения), личностными факторами (в частности, закономерными характеристиками личности преступника), в том числе виктимного характера (с. 165).

Вполне основательны и большинство иных выводов диссертанта, а также их аргументация.

Вместе с тем работа не свободна от ряда недочетов, которые, как представляется, стали следствием сложности диссертационной проблематики.

1. Освещая историю вопроса об уголовной ответственности за диверсионную деятельность в период Великой Отечественной войны, автор справедливо отмечает, что государство консолидировало все силы на борьбу с врагом. Особая роль в данный период отводилась именно борьбе с диверсионно-разведывательными группами, которые занимались уничтожением жизненно важных объектов, вбрасывали дезинформацию о

колоссальных потерях и занятых территориях с целью посеять панику и страх (с. 29–30). Однако не заслуживает внимание автора создание 19 апреля 1943 г. органов «Смерш»: Управление Особых Отделов НКВД СССР было изъято из ведения НКВД СССР и передано Народному Комиссариату Обороны, реорганизовано в Главное Управление Контрразведки НКО «Смерть шпионам». Органы «Смерш» были освобождены от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с возложенными на них задачами:

- 1) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;
- 2) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;
- 3) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных мер к созданию на фронтах условий, исключаящих безнаказанность прохода агентуры противника через линию фронта;
- 4) борьба с предательством и изменой родине;
- 5) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;
- 6) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;
- 7) выполнение специальных заданий Народного Комиссара обороны.

Так, Советской военной контрразведке «Смерш» летом 1944 г. удалось выявить и пресечь вооружённый мятеж, который организовывали украинские националисты, внедрившиеся в ряды Красной армии. Весной 1944 г. Советской армии удалось и выйти к государственной границе СССР. На освобожденной от фашистских захватчиков правобережной части Украины весной 1944 г. проходила мобилизация местного населения, которая требовалась для формирования запасных полков и дивизий РККА. Контрразведчики внимательно проверяли новобранцев и не напрасно: члены ОУН (Организации украинских националистов) и УПА (Украинской повстанческой армии) получили от своих лидеров распоряжение инфильтрироваться в ряды Советской армии для дальнейшей подрывной и диверсионно-террористической деятельности. Одна из групп таких диверсантов из 41 бойца ОУН, внедрившихся в 148-й запасной стрелковый

полк 20-й запасной стрелковой дивизии Красной армии в июле 1944 г., планировала захватить оружие и боеприпасы, перебить офицеров подразделения, а после этого соединиться с соратниками по УПА в лесах Западной Украины. «Смерш» своевременно предотвратил намерения националистов. С 1 апреля по 25 августа 1944 г. советская контрразведка арестовала свыше 6,6 тысячи человек, среди которых оказались 4,2 тысячи сторонников ОУН и УПА². Только один этот пример показывает, как важно учитывать исторический опыт борьбы с диверсионной деятельностью в выявлении закономерностей, обосновывающих введение в уголовный закон норм, расширяющих круг преступлений диверсионной направленности, и формирование криминологической политики противодействия диверсионной деятельности в условиях проведения специальной военной операции, пресечения и предупреждения диверсионно-террористической деятельности украинских националистов, направляемой западными спецслужбами.

2. В результате компаративистского исследования уголовного законодательства ряда государств, по терминологии автора – ближнего и дальнего зарубежья, соискатель констатирует наличие «единства законодателей в подходах к борьбе с рассматриваемыми деяниями, обусловленное их озабоченностью проблемой обеспечения национальной безопасности страны и вытекающей отсюда необходимостью совершенствования уголовно-правового механизма противодействия посягательствам диверсионной направленности» (с. 61). Из чего видно, что за рубежом вообще «озабочены» совершенствованием уголовного законодательства об ответственности за диверсионную деятельность и какие конкретные меры в этом направлении в последние годы были приняты за рубежом, автор в своей работе не поясняет. Аргументация этого тезиса не нашла своего отражения ни в положении № 2 (с. 13), ни в заключении (с. 204).

² Организации ОУН и УПА признаны экстремистскими, их деятельность запрещена в России.

Сравнительно-правовой анализ, к сожалению, подавляющим числом современных исследователей проводится с нарушением методологических требований. Не исключением стал опыт соискателя рецензируемой работы, его внимание было сосредоточено исключительно на обзоре текстов иностранных уголовных кодексов, а практика применения норм об ответственности за саботаж или диверсию и достижения национальных доктрин остались без должного внимания. Поэтому каких-либо рекомендаций по использованию иностранного опыта борьбы с диверсиями в нашей стране выработать не удалось.

3. Требуется пояснения утверждение диссертанта о том, что в свете уголовно-правовой политики проявляется тенденция усиления ответственности за диверсию, расширения рамок криминализации соответствующей деятельности, включения дополнительных признаков, характеризующих диверсию, что обусловлено угрозами со стороны реального или предполагаемого противника, направленными против территориальной целостности и обороноспособности страны, идеологии и мирного сосуществования народов (с. 13, 46, 204). В связи с этим хотелось бы услышать мнение автора, чем подтверждается наличие упоминаемой по тексту тенденции.

4. Не могу согласиться с предложением соискателя об издании нормативного правового акта в виде федерального закона «О противодействии диверсионной деятельности», в рамках которого законодатель сможет детально регламентировать соответствующие вопросы, связанные с диверсией. Данный закон, по мнению автора, будет регулировать круг общественных отношений в сфере противодействия диверсии на территории Российской Федерации, а также необходимый понятийный аппарат по типу Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (с. 69–73, 204–206). Считаю, что такое предложение не будет способствовать решению проблемных вопросов квалификации, особенно возникающих в процессе разграничения диверсии и террористического акта (при сходстве форм и способов их совершения), как полагает автор, а напротив

приведет к появлению нормативных правовых актов – клонов, перегруженности нормативного правового регулирования общественных отношений, которым угрожают схожие по характеру, причинному комплексу и тяжести последствий посягательства против общественной и государственной безопасности.

Противодействие терроризму и диверсионной деятельности – это деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц на трех направлениях: 1) предупреждение терроризма и диверсий, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов и диверсий (профилактика); 2) выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование террористического акта или диверсии (борьба с терроризмом и диверсиями) и 3) минимизация и (или) ликвидация последствий совершенных террористического акта или диверсии. Поэтому более реалистичный вариант – принятие Федерального закона «О противодействии терроризму и диверсионной деятельности», которым будут установлены единые принципы противодействия, правовые и организационные основы профилактики терроризма и диверсий, а также борьбы с ними, минимизации (ликвидации) последствий проявления терроризма и диверсионной деятельности.

Как видно из приведенных замечаний, отмеченные спорные положения не влияют на положительную оценку рецензируемого труда, представляющего собой самостоятельное творческое исследование серьезной научной проблемы, имеющей важное теоретическое и непосредственное прикладное значение. Изложенное позволяет заключить, что выводы и положения, сформулированные диссертантом в процессе исследования, научно обоснованы, опираются на солидный теоретический фундамент, содержат бесспорный вклад в доктринальную разработку проблемы, а также достоверны.

Выводы

1. Диссертация Пикиной Татьяны Владимировны «Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия» является научно-квалификационной работой, содержащей решение задачи, имеющей значение для развития науки уголовного права и криминологии, что соответствует требованиям ч. 2 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (далее – Положение о присуждении ученых степеней).

2. Диссертация соответствует критериям, установленным п. 10, 14 Положения о присуждении ученых степеней.

3. Основные научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях, что соответствует п. 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней.

4. Автор диссертации – Пикина Татьяна Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности научных работников 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ

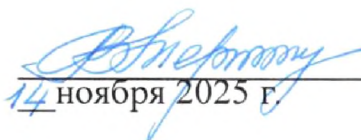
Меркурьев Виктор Викторович

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», научная специальность 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Адрес: 117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Тел.: 89170773686; 8(499)256-61-21

E-mail: merkuriev-vui@mail.ru

 /подпись/
14 ноября 2025 г.

Подпись Меркурьев В.В. заведующий
отдела государственной службы и кадровой работы
Университета прокуратуры
Российской Федерации
Машин Маслова Ю.А.
14 11 20 25 г.

С отговора отнакопленен В.В. Меркурьев 24.11.2025 г.